

Как библейские верующие понимают красоту

Для интеллектуалов, в частности, постсоветских, кажется, стало общим местом ругать «эстетическую неразвитость» протестантов. Может (в лучшем случае), в нравственном плане протестанты «и ничего», но к красоте точно равнодушны. То ли богатство православной или католической литургии!

На это можно много что ответить. Протестантское богослужение – дело рядовых верующих, а не церковных «профессионалов». Здесь служат (или пытаются служить) все. Цель протестантского служения – задействовать присутствующих. Оно не зрелище, а переживание, со-бытие. Со-участие, при-частность.

Его ориентируют на воспроизводимость. От протестанта ожидается, что происходящее в большом собрании он (при случае) в миниатюре повторит в меньшем кругу. Скажем, во время домашнего богослужения.

Протестантское собрание обращено не к глазу, а к уху. Оно не выглядит, а звучит. Его апогей – не блеск и величие обряда, а глубина проповеди. Его «сцена» – не порядок ритуала, а внутренний мир верующего. Туда – к совести, воображению, эмоциям, сознанию, памяти, убеждениям отдельного человека – стремится достучаться проповедник.

Кроме словоцентричной эстетики, где каждый элемент является своего рода проповедью или проводником к проповеди «как таковой», протестанты подчеркивают превосходство нерукотворной красоты – созерцания природы как проявления Божьего величия. Когда община исполняет в виде караоке богослужebные пения, видеорядом для их текста традиционно избираются виды нетронутой природы. У адвентистов, особенно в западных странах, существует традиция после утреннего богослужения отправляться за город и проводить там остаток субботнего дня в

форме эдакого благочестивого пикника.

Писание и литургическое мышление

Эти характеристики заметны и в богослужбном языке библейских авторов, являющихся для протестантов самым авторитетным источником вероучения и практики.

Прочтем Псалом 18. Здесь и далее используем перевод Российского библейского общества 2011 года.

«Начальнику хора: псалом Давида. О Божьей славе говорят небеса, о деяньях Его повествует твердь. День дню слово передает, ночь ночи знание возвещает. Звука не слышно, не слышно слов, голос их не звучит – но разносится речь их по всей земле, и до всех краев мира – их весть. А там для Солнца раскинут шатер – выходит, радостное, оно, как из-под свадебного балдахина жених, и как атлет, начинает свой бег. Пускается в путь от края небес, добежит до края и вспять повернет. От его жара не скрыться нигде!»

Без сомнения, поэтический образ воссоздан. Царь Давид – ренессансная личность: пастух, музыкант, поэт, воин, любимец женщин, политик, мистик, богослов, реформатор. Преуспел во всем.

Эстетическое начало для Давида не существует без этического:

«Совершенен закон Господень, он возвращает жизнь. Непреложен устав Господень и простецам дает мудрость. Верны повеления Господа и радость сердцу несут. Светла заповедь Господа и просвещает взор. Страх перед Господом чист и пребывает вовек. Предписанья Господа праведны, из них каждое – правда сама. Вожденней, чем груды золота, они слаще меда и патоки».

У древнееврейского поэта этическая глубина Торы вызывает эмоциональный отклик. Он эту глубину зрительно представляет как свет [по-еврейски закон (тора) происходит от слова свет(ор)], позволяющий ясно увидеть реальность, как чистоту и

вечность, истину и золото, физическое влечение и вкус сладости.

«Я, Твой раб, соблюдаю их, за соблюдение их – награда великая. ...Разве наши ошибки нам ведомы? От незримых грехов очисти меня! От бесстыжих меня избавь – пусть не властвуют над рабом Твоим! И тогда непорочен буду я, от греха великого чист! Прими благосклонно мои слова, вздохи, идущие из сердца моего! Ты, Господь, – моя Скала, Избавитель мой!»

Для Давида в Божьем мире нет конфликта между красивым и правильным. Всевышний – автор того и другого. И там, где псалмист этот конфликт обнаруживает в самом себе, выход видит в том, что его Бог – и Творец, и Избавитель от греха. Творческая сила Создателя, поддерживающая красоту восхода, способна воссоздать такую же гармонию в мятущемся сердце человека.

Напротив, нарушение этого равновесия не дает библейским авторам признать то или иное явление красивым. Вот как оценивает греко-римскую цивилизацию апостол Павел (Послание в Рим 1:18-32):

«Нисходит гнев Божий с небес на всякий грех и зло людей, удерживающих истину в плену греха. Ведь знание о Боге у них есть, Бог дал им о Себе знать. Потому что Его невидимые свойства – вечная сила и Божественная природа – со времени сотворения мира постигаются **разумом** через **созерцание сотворенного**. Так что нет им извинения! Зная о Боге, они не воздали Ему хвалу и благодарность как Богу, а вместо этого погрязли в пустых рассуждениях, и их неразумное сердце объяла тьма» *(тут и далее в цитатах выделение жирностью принадлежит автору статьи – М. Б.)*.

Павел понимал красоту природы не как самоценное ее качество, но как Божье послание, призывающее к надлежащему отклику человека.

«Называя себя мудрыми *(намек на греческую философию – М. Б.)*,

они превратились в глупцов и вместо поклонения бессмертному Богу поклоняются образам, подобным смертному человеку, птицам, четвероногим и пресмыкающимся».

Ложный выбор приводит к ложному мировоззрению. Ложное понимание мира и себя в нём приводит к поврежденной нравственности:

«Потому и отдал их Бог во власть нечистоты, чтобы, **следуя похоти сердец, они бесчестили свои тела**. Они **променяли** правду Божью на ложь, они поклоняются и служат творению вместо Творца, да будет Он всегда благословен, аминь. За это и отдал их Бог во власть позорных страстей: их женщины заменили естественные сношения на противоестественные, равно как и мужчины, отвергнув естественные сношения с женщинами, пылают похотью друг к другу: мужчины с мужчинами творят постыдные дела, готовя тем себе возмездие, которое они заслужили, сбившись с пути».

И тогда, и сейчас в устах библейских верующих гомосексуальные связи, широко практиковавшиеся древними греками, предстают как проявление крайней испорченности, нравственного распада личности.

«И так как они **не пожелали** постичь Бога, Бог отдал их во власть их развращенного ума, побуждающего делать то, чего делать нельзя: они исполнены всяческого зла, низости, жадности, испорчены до мозга костей; они завидуют, убивают, полны раздоров, коварства, злобы; они клеветники, сплетники, ненавидят Бога, наглы, горды, хвастливы, изобретательны на зло, не подчиняются родителям, неразумны, ненадежны, бессердечны, безжалостны. И они, зная, что поступающие так достойны смерти **по Закону Бога**, не только творят такое, но и одобряют тех, кто поступает так же».

Согласно Павлу, невозможно чувствовать, ценить и творить красоту, не будучи душевно красивым. Апостол не ставит под вопрос военные или архитектурные достижения Рима (для его

адресатов они были очевидны) либо филологические превосходства Гомеровского гекзаметра. Через призму Торы Давид глядит на восход солнца, и Тора позволяет ему не перепутать светило и его Автора, творение и Творца. Через призму Торы Павел смотрит на современное ему общество и безошибочно указывает на нравственный тупик, в котором язычество оказалось на заре христианской эры.

При этом в Библии правильное часто парадоксальным образом признаётся красивым. Скажем, дым всесожжения – обращенной в дым бараньей туши – аттестуется как «аромат, приятный для» Творца (Исход 29:18). Каждый может вспомнить квартиру, на кухне которой подгорела курица. А теперь представим себе вонь от испепеленного барана. Но всесожжение символизирует договор Божьего народа со Всевышним, и Он неожиданно описывает этот запах как нечто вроде Своих любимых духов. Почему так? Ему нравится общаться со Своим народом, Он стремится к нему, а дым – единственная субстанция, которая, поднявшись с земли, не возвращается на нее. И это делает жертвенный дым незаменимым символом молитвы.

Высшее проявление такой закономерности – жертвенная смерть Мессии за грехи человечества. Пророк говорит о Христе: «он был изуродован, на человека не похож, вида он был не людского» (Исаия 52:14). Однако новозаветный автор призывает слушателей своего письма (Послание к евреям 12:1-3):

«И раз вокруг нас такое множество свидетелей, то нам надо снять с себя бремя цепкого греха и бежать предстоящий нам забег терпеливо и стойко, **не сводя глаз** с Зачинателя и Свершителя веры – Иисуса. Ради той радости, которая Ему предстояла, Он, **пренебрегши позором**, претерпел смерть на кресте и теперь сидит по правую руку от Престола Божьего. Так **размышляйте о Том, кто вынес столько вражды к себе** со стороны грешников. Это поможет вам не ослабеть и не пасть духом».

Страдание Мессии ради высокой цели возвышает и оправдывает человеческие муки и борения.

Протестанты и произведения культуры

Подобный подход библейские верующие применяют и в отношении культурного процесса. Несколько примеров того, как и признанные шедевры могут вызвать недоумение у библейски мыслящего эстетика.

Петергоф. Знаменитая скульптурная группа «Самсон» (ок. 1735). Цель сооружения – совершенно не религиозная: по замыслу Петра I, памятник был призван увековечить победу России над Швецией. Первоначально планировали установить фонтан с изображением Геракла, побеждающего Лернейскую гидру. Позже остановились на Самсоне, чтобы лев напоминал о Швеции: этот символ присутствует на ее гербе и сегодня. Только и всего.

В христианском мире на иудейскую Библию «принято», особенно тогда, смотреть глазами греческой эстетики и культуры. Насколько это приемлемо, судить читателю. Хотя бы на основании приведенной цитаты из апостола Павла. Статуя в Петергофе следует этой традиции. Перед нами попытка представить древнееврейский сюжет в стиле классицизма.

Самсон – назорей, т. е. посвященный на служение как судья Божьего народа. В тот смутный период истории Израиля от такого судьи в первую очередь ждали функций военачальника, защитника от соседних народов-захватчиков. Внешним символом его назорейства были с детства не подстригаемые волосы. Заключительная часть его небольшой истории (четырёх глав в книге Судей) целиком вращается вокруг его волос. 1) Он наконец признаётся Далиле, что его сила «в волосах», 2) его семь кос обрезают, что позволяет врагам наконец пленить Самсона, 3) к моменту победного пира в храме Дагона у ослепленного Самсона начали отрастать волосы, что и позволило ему взмолиться Богу о новом даровании сверхъестественной силы, чтобы раздвинуть столбы храма и обрушить здание. Но скульптор не особо пытается воссоздать библейскую реальность. Его Самсон пострижен по античной моде.

Лицо статуи передает спокойную отстраненность. В то время как библейские мужчины весьма эмоциональны. Они громко поют, кричат в бою и от радости, плачут в трауре. Их музыка заводная и ритмичная. Они любят жизнь, вкусную еду и танцы. Тяга Соломона к чужим женщинам показывает, что он не умел совладать со своими эмоциями. С таким видом львов не разрывают голыми руками на части.

У статуи нет бороды. Тора запрещает стричь бороду. Толкователи говорят, что эта заповедь – предостережение против храмовой проституции. Языческие оргии часто сопровождались переодеванием участников, исполнением ими ролей личностей противоположного пола. Причем не просто «театральных» ролей в мистериях, но и в сексуальных контактах «во славу богов». В пользу такого предположения говорит запрещение Торы надевать одежду противоположного пола. В библейские времена семиты брачного возраста не носили бороду, либо будучи гомосексуалистами, либо имея заболевания эндокринной системы. У библейского Самсона, по всей видимости, не было ни той, ни другой проблемы. Для традиционного облика библейского еврея обрезанная борода – бесчестье.

Наконец, одежда. Вернее, обрывок ткани, неизвестно как держащийся на почти вертикальном бедре назорей и придающий статуе видимость благопристойности. Причем сохранившийся со стороны льва (это в сторону шуточных предположений типа «остальную одежду лев порвал и съел»). Библейский Самсон встречает хищника, идя на свидание с будущей невестой. Потеряв одежду, он продолжить путь (как в тексте) никак бы не смог. Писание критикует обнажение вне спальни либо омовения, связывая его с развратом и идолопоклонством – оргиями как частью ханаанских культов плодородия. Для древнего семита публичное обнажение было символом позора, потери лица. Тело укрывали от солнечных ожогов и ночного холода. Но каноны классицизма призывают любоваться красиво сложенным молодым телом. На память приходят античные атлеты, раздевавшиеся перед соревнованиями. Скульптор в очередной раз делает выбор

эстетического языка, и *библейский* смысл его произведения ветшает до одномерности политического плаката.

Второй пример – картина Карла Брюллова «Вирсавия» (1832). ..Царь Давид, достигнув пика своего могущества, отправил армию на осаду вражеского города Раввы, а сам даже не удосужился выдвинуться на фронт. Проспав дневную жару, вышел на крышу своего недавно возведенного дворца. Обозревая хозяйским взглядом Иерусалим, новую столицу своего царства, заметил в одном из дворов купающуюся красавицу. Вместо того чтобы отвести взгляд и покинуть неуместный «наблюдательный пост», царь использует свои способности военного стратега, чтобы покорить... Вирсавию – жену его верного солдата, хетта Урии. С этого не отведенного вовремя взгляда началась череда несчастий, приведшая к смерти четырех сыновей Давида и гражданской войне, охватившей весь Израиль. Страдания скорбящего Давида были столь велики, что он во время одного из этих кризисов восклицал: «О, если бы я мог умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой!»

Художник изображает Вирсавию глазами Давида. Как пишут комментаторы, Брюллов «передает чувственную эротику, по-мужски откровенно любуясь каждой складочкой стройного тела и прядями густых распущенных волос» героини. Таким образом художник вовлекает зрителя в акт вуайеризма, предлагая ему втроем – вместе с Давидом и автором полотна – пожирать глазами интимную красоту чужой жены. Но ведь библейский контекст характеризует этот взгляд как фатальную ошибку, демонстрируя его тяжкие последствия, коих ни один зритель не хотел бы допустить в свою жизнь. Выходит, перед нами безрассудное, безответственное понимание красоты. Красоты, игнорирующей контекст остальной жизни. Красоты близорукой, сиюминутной. Не отличающей альтруистического восхищения от эгоистичной похоти. По мнению библейских авторов, таковое мышление не является правильным, а значит, и эстетически совершенным.

В поисках идеала

Язычески-материалистическое понимание красоты прочно связывается с физической природой личности. Такая красота имеет главное выражение в сексуальности – способности привлекать противоположный пол. Жизнь, здоровье и красота здесь настолько сориентированы на эротику, что физическое влечение называется самым важным делом. Ему стоит подчинить всё. Идеальная любовь – та, где двоих уносит поток эмоций, разум выключен за ненужностью (любовь-то «безумная»!), думать о последствиях – верх дурного тона:

Мне говорят – ты сошла с ума,
А я говорю – разберусь сама.
Уж я как-нибудь обойдусь без вас,
Раз дело касается серых глаз (Ирина Салтыкова, «Серые глаза»).

С не меньшей определенностью Библия оппонирует и религиозным эстетическим стереотипам. Бог сотворил всё – и физическую, и духовную сторону реальности. Он проводит границы святости и чистоты и в телесной, и в душевной области. Здоровое тело, хороший аппетит, крепкий сон, супружеская близость, рождение

детей – эти блага посылает праведным Божья рука, как и ответы на молитву, избавление в кризисе и руководство в исследовании Священного Писания. Монашеская дистанция от физического мира чужда библейским авторам, равно как и животная погруженность в него.

Таким образом, красота в библейском понимании – это не столько внешность, ласкающая взгляд, сколько выполнение возложенной задачи. В этом контексте заботливая мама признаётся красивой, даже и состарившись, а гулящая женщина красивой быть не может. Физические данные блудницы из-за ее поведения становятся соблазном, опасностью.

Обожествить Солнце – значить перечеркнуть и то эстетическое послание, которое Всевышний заложил в величественном ходе светила по небосклону. Согласно Давиду, Солнце красиво еще и потому, что исполняет Божий замысел освещать и согревать Землю. Жертвенный дым приятен, потому что демонстрирует верность Ноя, позволяющую Творцу взять обязательство не насыпать более всемирный потоп. Вождем молодых учеников Сократ уничтожает тем самым свою мудрость. А распятый окровавленный Бог остается прекрасным, потому что ожидает искупления людских грехов Своей непреходящей жертвой.

Максим Балаклицкий
Источник – asd.in.ua